

Королькова Анна Александровна

СРАВНЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ КАНТА И НИЦШЕ НА ПРИРОДУ ИГРЫ В АСПЕКТЕ СМЕНЫ ФИЛОСОФСКИХ ПАРАДИГМ

Руководствуясь концептом границ, автор статьи осуществляет сравнительный анализ философских взглядов Канта и Ницше на природу игры и сущность самой философии. Несмотря на очевидный антагонизм философов в сфере познания и морали, в эстетике их идеи оказываются созвучными. Именно там, где Кант перерастает рамки классической парадигмы мысли, вводя понятие свободной игры сил души в качестве основания цельной структуры способностей субъекта, он становится близок классическому представителю неклассической философии - Фридриху Ницше.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. III. С. 84-87. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1.101

Философские науки

Руководствуясь концептом границ, автор статьи осуществляет сравнительный анализ философских взглядов Канта и Ницше на природу игры и сущность самой философии. Несмотря на очевидный антагонизм философов в сфере познания и морали, в эстетике их идеи оказываются созвучными. Именно там, где Кант перерастает рамки классической парадигмы мысли, вводя понятие свободной игры сил души в качестве основания цельной структуры способностей субъекта, он становится близок классическому представителю неклассической философии – Фридриху Ницше.

Ключевые слова и фразы: неклассическая философия; свободная игра; феномен прекрасного; категорический императив; мораль.

Королькова Анна Александровна, к. филос. н.

*Государственный институт экономики, финансов, права и технологий
Korolkova-anya@yandex.ru*

**СРАВНЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ КАНТА И НИЦШЕ НА ПРИРОДУ ИГРЫ
В АСПЕКТЕ СМЕНЫ ФИЛОСОФСКИХ ПАРАДИГМ[©]**

Сравнение Канта и Ницше интересно нам не только в отношении их взглядов на игру, но и как сопоставление двух четко выраженных типов философии – классической и неклассической. Контраст между текстами немецких мыслителей становится еще ярче, если мы заострим свое философское любопытство на понятии *границ* и, руководствуясь этим концептом, проанализируем их учения. Компаративный анализ философских взглядов Канта и Ницше помогает проследить становление пространства игры через изменение смыслового поля самой философии. На наш взгляд, фундаментальное отличие между философиями Канта и Ницше можно сформулировать так: мышление Канта ориентировано на установление *пределов* и поиск терминологической ясности, в то время как ключевая интенция Ницше – это прыжок в *беспредельное*, разрушающий смысловые опоры классической философии.

Ницше не скрывает своего негативного отношения к Канту, называя его то «идиотом», то «роковым пауком», ставшим «лишним тормозом для недостаточно твердой на ногах немецкой честности». Наиболее деликатно свое возмущение идеями кенигсбергского мыслителя Ницше выразил в следующей фразе: «Философия, определяемая Кантом как “наука о границах разума”!» [7, с. 263]. В этой цитате негодование автора сублимировано из уровня лексической реальности в реальность пунктуационную, а именно: вся эмоциональная нагрузка высказывания сосредоточена в финальном двойном восклицании. Чем вызван подобный идейный конфликт между двумя мыслителями? Если исходить из деления философии на три дисциплины – познание, этику и эстетику, – то наиболее явно указанный антагонизм проявляется в первых двух областях знания.

Понятие вещи-в-себе, введенное Кантом в «Критике чистого разума», мотивировано стремлением немецкого философа установить пределы нашему познавательному любопытству. Согласно немецкому классику, мы познаем лишь явления, а вещи-в-себе остаются скрытыми для нас, сигнализируя о границах наших способностей. Ницше не признает каких-либо границ, будь то в сфере познания или морали, призывая к творческому переосмыслению философской традиции. Желание разрушить «мышление в границах только разума», составляющее сердцевину классической философии, характерно и для Жюль Делеза, представителя постнеклассической философии: «Делез выступает против *пред-данности* смысла, равно как и против *пред-данности* одному-единственному смыслу» [4, с. 79].

Наличие *пред-заданных* канонов мысли является причиной разногласий между Кантом и Ницше не только в сфере познания, но и в этике. Ницше обрушивается с язвительной критикой на категорический императив Канта, считая своего предшественника «фанатиком формального понятия “ты должен”»: «“Добродетель”, “долг”, “добро само по себе”, доброе с характером безличности и всеобщности – все это химеры, в которых выражается упадок, крайнее обессиливание жизни, кенигсбергский китаизм. Самые глубокие законы сохранения и роста повелевают как раз обратное: чтобы каждый находил себе *свою* добродетель, *свой* категорический императив» [5, с. 305]. Ницше призывает отказаться от слепого послушания внешним законам и открыть в самом себе законодателя собственной жизни: «Мы же *хотим стать тем, что мы есть*, – новыми, неповторимыми, несравнимыми, полагающими себе собственные законы, себя-самых-творящими!» [6, с. 305].

По мнению Ницше, признание изменчивости и становления как единственного закона бытия требует живого и дерзкого духа – духа игры: «Существа, обладающие крайним избытком силы и *играющие* силой, одобрили бы, в смысле эвдемонистическом, именно *аффекты, неразумность и изменчивость*, со всеми их последствиями – опасностью, контрастом, гибелью и т.д.» [7, с. 323]. Подобно Ницше, французский постмодернист Жюль Делез меняет вектор философского исследования с области «ставшего» в сторону «чистого становления». И Ницше, и Делез воспевают свободу от классических канонов творчества, разоблачая в своих дерзновенных произведениях наличие единственного смыслового центра.

Игра у Ницше выступает прообразом творчества, а само творчество утверждается в качестве импульса к созданию новой морали. В философии Канта свобода как следование категорическому императиву оказывается встроенной в систему морали благодаря соотносительности с трансценденцией. Свобода в интерпретации Ницше превращается из категории этической в категорию эстетическую. В философии Ницше единственным ограничителем свободы становятся творческие способности конкретного индивида: «Свобода в экзистенциально-философском смысле, христианском или кантовском, существует относительно трансценденции; она представляет собой ту или иную возможность некоего конечного существа, имеет перед лицом трансценденции свои границы... Такую свободу Ницше отвергает» [12, с. 240].

Исследование морали раскрывает важнейшую особенность философствования Ницше – его самопротиворечивость. Так, положение «вне морали жить невозможно» сосуществует с обратным утверждением: «жить можно только при абсолютно неморальном образе мыслей». Антиномичность мысли характерна и для Канта, но если немецкий классик осознает противоречие как нечто, требующее разрешения, то Ницше даже не пытается эту антиномичность снять: «Возникает впечатление, что он обо всем имел по два мнения. Поэтому из Ницше можно выбрать любые цитаты, подтверждающие именно то, что хочешь» [Там же, с. 73].

Анализируя рассуждения Ницше о морали, необычайно трудно составить целостный и непротиворечивый портрет мыслителя. Однако можно выбрать апофатический путь, определив, что совершенно точно не соответствует «моральному дискурсу» немецкого философа. Отказ от принятия традиционной морали вовсе не означает отрицания всякой морали. Ницше стремится создать новую мораль – «мораль созидающего». Человек, по убеждению Ницше, должен относиться к себе как к нравственному произведению искусства, осуществляя постоянную внутреннюю работу по творческому преобразованию своей пластической природы. Показательны в этом смысле слова Ницше, адресованные своему близкому другу, Паулю Ре, черновик письма к которому цитирует Ясперс в своей книге о Ницше: «Вы сами говорили мне, что у Вас нет никакой морали – а я думал, что у Вас, как и у меня, она более строгая, чем у кого-либо» [Там же, с. 242].

Однако напрашивается вопрос: не остается ли вместо чего-то большего, чем мораль, напротив, нечто меньшее, чем мораль? Ницше на протяжении всего своего творчества неустанно разоблачал мораль кантовскую, равно как и христианскую, апеллируя к их противоестественности: «Разве не чувствуется категорический императив Канта, как *опасный для жизни!*...» [5, с. 305]. Но отсутствие всяких императивов, к которому призывал Ницше, оказывается еще более опасным для жизни человека. В поэме «Так говорил Заратустра» Ницше пишет: «и в безумии всегда есть немного разума» [9, с. 36]. Немецкий философ преступает границы между понятиями разума и безумия, не сомневаясь в том, что сумеет сохранить здравость суждения при любых метаморфозах мысли: «Я всегда был выше случая; мне не надо быть подготовленным, чтобы владеть собой» [10, с. 385]. Судьба ответила автору этих строк одиннадцатью годами безумия.

Ницшеанское творчество – это опыт на грани разума и безумия, когда «слышишь без поисков; берешь, не спрашивая, кто здесь дает...» [Там же, с. 441]. Философ требует от читателя такого же, предельного напряжения всех эмоциональных и интеллектуальных сил: «Чтобы только понять что-либо в моем Заратустре, надо, быть может, находиться в тех же условиях, что и я, – одной ногой стоять *по ту сторону* жизни...» [Там же, с. 384]. Такое состояние творческого экстаза, сопровождающее все философские открытия Ницше, совершенно чуждо представлениям классической философии о необходимости внутренней взвешенности всех аффектов для работы мыслителя: «...как отделяю я свое понятие философа на целые мили от такого понятия о нем, которое включает в себя даже какого-нибудь Канта...» [Там же, с. 427].

А между тем, «какой-нибудь Кант» – этот «фанатик морали», проповедовавший, по словам Ницше, «крайнее обессиление жизни», – продолжал создавать философские труды в восьмидесятилетнем возрасте («Антропология с прагматической точки зрения» написана в 1798 г., когда философу исполнилось уже семьдесят шесть лет). На протяжении всей жизни, согласно воспоминаниям современников, Кант сохранял «свободу и веселость души»: «В его цветущем возрасте он обладал бодростью юноши, которую не утратил... и в глубокой старости... шутки, остроты и хорошее настроение всегда были в его власти, и его несущие знания лекции были самым интересным общением» [3, с. 76]. Сама философия определяется кенигсбергским мыслителем как «идея совершенной мудрости, указывающей нам последние цели человеческого разума» [2, с. 437-438]. Кант, как и Ницше, признает высокую ценность творчества, однако отличие между мыслителями заключается в понимании основ и критериев творчества.

По мнению Канта, в основе созерцания прекрасного лежит свободная игра способностей воображения и рассудка, а назначение гения заключается в том, чтобы найти и передать в искусстве это гармоничное равновесие сил души. Если в понимании Канта творчество рождается из диалога воображения и рассудка, то Ницше видит сущность искусства в двуединстве аполлоновского и дионисийского начал. Но, в отличие от немецкого классика, Ницше не стремится к диалогическому равноправию этих начал и даже намеренно расшатывает равновесие между аполлонической и дионисийской природой, выпуская на свободу дионисийскую стихию. Ницше опровергает классический постулат, согласно которому все прекрасное должно быть разумным, т.е. основанным на чувстве меры. По убеждению немецкого поэта и философа, игра душевных сил может быть разбалансированной, и, тем не менее, даже такая игра, «лишенная мудрому спокойствия бога пластики», способна порождать художественное творчество: «даже безобразные и дисгармоничные начала представляют собою художественную игру, которую ведет сама с собою Воля» [8, с. 246].

Складывается впечатление, что и в эстетике между Кантом и Ницше нет общих точек соприкосновения. Однако если абстрагироваться от негативных реплик Ницше в адрес своего предшественника и предоставить

слово самим текстам немецких философов, то обнаружится неожиданное идейное родство между авторами столь различных философских направлений. В «Критике способности суждения» немецкий классик произносит революционную для эстетики того времени мысль: «красота безотносительно к чувству субъекта сама по себе ничто» [1, с. 160]. Разве не созвучна эта идея кенигсбергского философа тезису Ницше о сущности прекрасного: «Прекрасное *вообще* не существует точно так же, как не существует добро *вообще* и истина *вообще*» [7, с. 436]? Критика Канта, осуществляемая Ницше в отношении феномена прекрасного, оказывается необоснованной ввиду обращения Ницше не к самим текстам Канта, а к философским интерпретациям исследователей кантовского наследия. По мнению Мартина Хайдеггера, причиной распространения искаженного понимания кантовской эстетики явилось влияние Шопенгауэра: примечательно, что Хайдеггер отмечает Шиллера в качестве единственного философа, которому удалось понять новаторство эстетических идей немецкого классика [11, с. 109].

В чем же оригинальность кантовского представления о прекрасном, вызвавшая такое длительное засилье ложных интерпретаций эстетического наследия немецкого классика? Обратимся к тексту самого Канта: «...чтобы быть судьей в вопросах вкуса, нельзя ни в малейшей степени быть заинтересованным в существовании вещи, в этом отношении надо быть совершенно безразличным» [1, с. 149]. Понятие *свободы от всякого интереса* является доминантой в кантовском определении красоты, и сам феномен прекрасного определяется кенигсбергским философом как предмет незаинтересованного удовольствия.

Свобода от интереса, согласно Канту, вовсе не означает безразличия или безучастности по отношению к прекрасному предмету. Немецкий философ вводит требование незаинтересованности в суждениях вкуса с целью защитить наше отношение к прекрасному от стремления к обладанию прекрасным объектом – стремления, инстинктивно заложенного в чувстве интереса: «проявлять интерес к чему-либо значит хотеть иметь что-либо для себя, иметь, чтобы владеть им» [11, с. 111]. Чтобы сохранить предмет в его целостности и достоинстве, необходимо приложить усилия для преодоления собственных эгоистических импульсов по захвату интересующего нас объекта. Хайдеггер реабилитирует кантовское понятие «свободной благосклонности», усматривая в акте осознанной незаинтересованности по отношению к прекрасному большую ценность, нежели в инертном проявлении интереса: «...эта свободная благосклонность предстает как высшее напряжение всего нашего существа, как освобождение нас самих во имя освобождения того, что имеет в себе свое собственное достоинство...» [Там же].

Подводя итог сравнительному исследованию идей Ницше и Канта, мы хотели бы артикулировать следующую мысль: несмотря на безусловное противостояние философов в сфере познания и морали, в понимании прекрасного их идеи оказываются созвучными. То, что идеи двух гениев мысли соприкоснулись на территории эстетического, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. Хоть Кант открыто не заявляет о первостепенной значимости эстетики в своем учении, тем не менее, именно в «Критике способности суждения», посвященной изложению эстетических идей мыслителя, немецкий классик осуществляет синтез всей своей философии. Созерцание прекрасного, по мнению Канта, непосредственно не дает нам какого-либо знания о предмете, однако выполняет очень важную роль: в эстетическом состоянии происходят активизация всех познавательных сил, оживление и синтез способностей души. Кульминацией эстетических размышлений Канта является введение в свою философскую систему понятия игры. На наш взгляд, целесообразная игра душевных сил может быть рассмотрена как начало, раскрывающее целостность человеческого естества: игра замыкает круг способностей, выступая в роли связующего звена между разнообразными силами души.

Именно там, где Иммануил Кант перерастает рамки классической парадигмы мысли, вводя понятие свободной игры сил души в качестве основания цельной структуры способностей субъекта, он становится близок классическому представителю неклассической философии – Фридриху Ницше. Игра и творчество так же неразрывно связаны в мышлении Ницше, как и в философии его великого предшественника. Способность творческого преобразования мира Ницше расценивает как спасительную для человека, и эта мысль звучит лейтмотивом всего творчества немецкого мыслителя.

Список литературы

1. Кант И. Критика способности суждения. СПб., 2001. 512 с.
2. Кант И. Трактаты. СПб., 1996. 552 с.
3. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997. 447 с.
4. Королькова А. А. Понятие идеальной игры в работе Жюль Делеза «Логика смысла» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53). Ч. III. С. 79-81.
5. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Эссе Номо: сборник. Минск, 1997. С. 297-372.
6. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. С. 125-376.
7. Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. 880 с.
8. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С. 130-249.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. 302 с.
10. Ницше Ф. Эссе Номо // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Эссе Номо: сборник. Минск, 1997. С. 373-468.
11. Хайдеггер М. Ницше. СПб., 2006. Т. I. 604 с.
12. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2204. 629 с.

COMPARISON OF PHILOSOPHICAL IDEAS OF KANT AND NIETZSCHE ON THE NATURE OF GAME IN THE ASPECT OF THE CHANGE OF PHILOSOPHICAL PARADIGMS

Korol'kova Anna Aleksandrovna

State Institute of Economics, Finance, Law and Technology

Korolkova-anya@yandex.ru

Being guided by the concept of boundaries the author of the article conducts the comparative analysis of the philosophical ideas of Kant and Nietzsche on the nature of game and the essence of philosophy itself. In spite of the evident antagonism of the philosophers in the sphere of cognition and moral, in aesthetics their ideas are accordant. Just where Kant outgrows the limits of the classical paradigm of thought introducing a notion of the free game of soul strengths as a foundation for the integral structure of the subject's abilities he gets close to the classical representative of non-classical philosophy – Friedrich Nietzsche.

Key words and phrases: non-classical philosophy; free game; phenomenon of beautiful; categorical imperative; moral.

УДК 316.75:32

Политология

В статье рассматривается консерватизм в контексте мировоззренческом и идеологическом. Представлены факторы социальной консолидации, при достижении и утверждении которой при опоре на идейно-ценностные составляющие консерватизма возникают условия и возможности для консолидации политической. Цель статьи – показать, что для позитивных достижений необходима консолидирующая консервативная идеология, способная естественным образом скрепить и объединить общество.

Ключевые слова и фразы: консерватизм; мировоззрение; консервативная идеология; идейно-ценностная система; государство; консолидация общества; идентичность; гражданское общество.

Лотарев Константин Анатольевич, к. полит. н., доцент

Волгоградский государственный университет

lotarev16@mail.ru

КОНСЕРВАТИЗМ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[©]

При исследовании консерватизма как мировоззрения и идеологии, неизбежно возникает практический аспект проблемы – возможности и ресурсы консерватизма для консолидации современного российского общества. Может ли консервативная идеология стать идеологией консолидирующей?

Вопрос усложняется в силу того, что Россия и её многонациональный народ, пережив советский период истории, оказались в ситуации, в которой трансформационные процессы государственно-административных, социально-экономических и культурно-правовых изменений пребывают в стадии незавершённой. Исторически преодолённая советско-коммунистическая система оставила в наследство заметный «ментальный фон». Впрочем, и он естественной сменой поколений постепенно видоизменяется. Но при этом остаются некоторые, более глубоко укоренившиеся социальные ментальности, которые будут играть существенную роль в дальнейшем развитии страны и общества. При аксиологическом подходе не возникает сомнений, что важнейшими ценностными основами большинства российского общества остаются: представление о государстве как о крупной и могущественной державе; Россия представляет собой историческую, культурную, научную, цивилизационную реальность планетарного масштаба; Россия исторически осуществляла миссию объединения и защиты малых и средних по численности народов, и поддерживала их национально-культурное развитие; Россия как держава всегда была верной союзническому долгу и обязательствам; Православная Россия отличалась веротерпимостью (отдельные эпизоды не меняли системы отношений Православной Церкви и многонационального народа Российской империи) [4], что придавало ей историческую и политическую устойчивость.

Большевицкий октябрьский переворот 1917 г. привёл Россию на путь масштабного политико-экономического эксперимента, обрательного идеологически самыми гуманистическими лозунгами и идеями, но в реальности воплотившегося в тоталитаризме и тирании. Политическая история показала в конечном итоге, что «смягчение» тоталитаризма в направлении к авторитаризму, отягощённому некомпетентным управлением и неспособностью КПСС к творческой управленческой мобильности, привело к распаду СССР, не выдержавшему конкуренции с более мобильной капиталистической системой экономики.

Социальные ценности во всём их разнообразии, разделяемые обществом, безусловно, являются важнейшей составляющей, которая объединяет его. Социальные ценности пребывают вне той или иной идеологии. Никакая идеология не может отрицать или преуменьшать взятые абстрактно такие реальности и ценности как: государство, порядок, свобода, безопасность, долг, совесть, ответственность, справедливость, собственность,